

КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

Имперские практики освоения степных областей Западной Сибири в течение длительного временного отрезка вызывали устойчивый интерес у профессионального сообщества историков. Оценки «степного» сегмента колониационного опыта империи оказались запечатлены в историографической традиции, специфика которой обусловлена оформленной национальной составляющей. В данной связи предпринимается попытка выявления факторов и условий, при которых произошло становление историографии вопроса в России и Республике Казахстан, определения сходства и оппозиций в интерпретации имперских мероприятий в степных областях.

Ключевые слова: колонизация; историографическая традиция; империя; дискурс; исследовательские практики.

Российские опыт и практики колонизации Сибири, а также отдельных её территориальных ареалов, традиционно располагались в эпицентре научной рефлексии исследователей активно осваиваемого во второй половине XIX – начале XX в. региона. В отечественной историографии сложилось достаточно ясное понимание того факта, что процесс вовлечения ближайших к европейской части страны пространств Сибири в ткань Российского государства, начавшийся в конце XVI столетия, стал продолжением исторического опыта отечественной колонизации, стартовавшей в эпоху раннего расселения славян в границах восточно-европейской равнины, «последним продуктом колониационных усилий России» [1. С. 488]. Симптоматично, что согласно логике многих авторов, в частности П.А. Словцова, «...Урал не являлся границей между государством и колонией... а вся ширина и длина хребта входила в состав Сибири...» [2. С. 383]. Данная логика проявлялась не только в формировании механизма «присвоения» территорий – от военных акций к градостроительству, усмирению «инородцев», мероприятиям промыслового и аграрного характера, но и в относительной однородности оценок колониационного процесса, иллюстрировавших изначально собственническую позицию государства и общества в означенном вопросе.

Историографический опыт оценки процесса государственной инкорпорации Степного края Западной Сибири изначально строился в ином ключе, что было обусловлено спецификой исторического контекста, в котором осуществлялись колониационные мероприятия. Географическая отдалённость не только от России, но и административных центров Сибири, многочисленность, полиэтничность и поликонфессиональность коренного населения, мозаичность локальных сообществ края – вот лишь некоторые из многочисленных факторов, оказавших влияние на государственно-административную политику властей в регионе, в которой имперские доминанты, а также имперские стратегии и практики стали играть решающую роль. Существенным можно назвать и тот факт, что вопросы присоединения и имперского охвата территорий степных областей Западной Сибири рефлексировались в более широком дискурсивном плане, в формате которого действовали не только российские

общественно-политические и научные деятели, но и представители местных национальных элит. Процесс институционализации национальной историографии Республики Казахстан, в отношении проблемы колонизации степных пространств Западной Сибири, окончательно вошедших в юрисдикцию Российской империи, выразился в резком росте этнического самосознания и патриотизма казахской интеллигенции во второй половине XIX в. и был связан с идеей возрождения традиционной модели казахской государственности.

В данной статье речь пойдёт о становлении, развитии и эволюции историографической традиции в осмыслении имперского опыта российской колонизации в отношении Степного края Западной Сибири. Необходимо отметить, что, во-первых, в фокусе авторского внимания будет находиться период второй половины XIX – начала XX в., поскольку именно в это время происходит смена вектора колонизации степных областей Западной Сибири, выразившаяся в постепенном отказе от признания главенства военно-политических задач в пользу обсуждения аграрных перспектив региона, что рельефно актуализировало государственные формулы империостроительства на востоке. Во-вторых, историографическая традиция, в нашем понимании, позиционируется как концептуальная преемственность подходов и оценочных суждений в связи с инкорпорацией Степного края в имперское пространство, сформулированных в процессе историографического дискурса как российского, так и репрезентируемого в национальной историографии Республики Казахстан. При этом существует убеждение в наличие общего интеллектуального ландшафта, в границах которого оппозиции во мнениях сторон определяются в большей степени расхождениями в исторической политике государств или национальных элит, но в целом эти несоответствия и расхождения в точках зрения – продукт разномасштабных горизонтов ожиданий.

Российская историография колонизации Степного края, в связи с включением региона в общеимперское пространство, изначально конституировалась в системе координат публицистической полемики, что являлось естественной реакцией образованного общества на стихийность переселений, отсутствие чёткой

программы работ колонизационного характера. Кроме того, период становления историографической традиции в осмыслении имперских проектов и практик относительно колонизируемых степных областей Западной Сибири совпал по времени с процессами эскалации аграрно-экологического кризиса в центрально-черноземных регионах страны, что «запустило» волну массовых аграрных переселений за Урал. В результате реакция исследователей на происходящие события мгновенно приобрела эмоционально-полюсический оттенок, а трибуной для историков, экономистов, этнографов стали «толстые» журналы различной общественно-политической направленности, репрезентировавшие наиболее волнующие российский социум сегменты дискурса. Тематический спектр обсуждаемых вопросов в полной мере отражал опасения и надежды отечественных интеллектуалов, связанных с ростом миграционной подвижности населения, обновив, а в отдельных случаях «воскресив» многие положения колонизационного дискурса.

Аргументы о подвижности и бродяжничестве, как имманентных свойствах характера русского крестьянства, опровергались доводами в пользу склонности земледельцев Европейской России к элементарному поиску мест, которые могли бы обеспечить эффективные условия для постоянной оседлости [3]. Либеральные рассуждения о переселениях, как «бегстве крестьянина от культуры», отвергались национал-консервативными теориями о продуктивности аграрных миграций как способе трансляции имперских практик в условиях восточных окраин [4] и т.д. Показательно, что публицистическая активность развивалась в рамках позитивистской методологической модели, сообразно с которой во главу угла была поставлена идея установления фактов, обнаружения типологически сходных явлений в истории и разработки законов, поверяемых исторической практикой. Реакция непосредственных участников переселенческого дела носила, по преимуществу, сиюминутный характер, без учёта мирового и европейского колонизационного опыта и, собственно, имперского контекста российской колонизации.

Таким образом, факты переселенческого движения рассматривались сквозь призму количественных показателей, когда на первый план выводилось механистическое понимание миграционных процессов, в масштабах которых обезличенная масса земледельцев искала спасения от голодной смерти во вновь колонизируемых районах Российской империи. В заданном методологическом формате специалисты, погружаясь в проблему и формируя источниковую базу исследования, ориентировались, прежде всего, на подбор доказательного материала, отражавшего в документах делопроизводственного характера содержание властного дискурса, с соответствующим ему прагматическим подходом к организации переселенческого дела, при общей негативной оценке крестьянских миграций.

Плотность «рецептурной» публицистики во второй половине XIX – начале XX в. была настолько велика, что за ней с невероятным трудом усматривается

другая тенденция в отношении к переселенческому вопросу, в семантических границах которой происходило формирование колониального дискурса, поднимавшего проблему определения места Сибири в составе России, факторов формирования сибирской региональной идентичности, а также отношения к ней в идеологически неоднородном обществе, специфики выбора имперской колонизационной стратегии и способов её практической реализации.

Следует отметить, что в так называемой дореволюционной отечественной историографии, в отношении аграрной колонизации Степного края, исследовательская традиция на короткий период обрела собственный, отличный от общего магистрального направления ракурс, что, несомненно, было определено спецификой государственной имперской политики в этом регионе. В отличие от «внутренних губерний» (Тобольской и Томской), территории южной степной полосы Западной Сибири долгосрочно находились в локусе геополитических интересов империи. Со второй половины 1870-х гг. в отношении степных Акмолинской и Семипалатинской областей рельефно обозначился курс на аграрное освоение, в контексте которого крестьянство становилось не только основным субъектом регионального земледелия, но и проводником и транслятором имперских интересов в крае. Подобное изменение правительственного курса способствовало снижению полемического накала страстей вокруг аграрно-переселенческой тематики и, что существенно, мобилизации интеллектуальных сил, погружённых волею обстоятельств в серьёзную практическую работу по научной экспертизе тех территорий, которые рассматривались имперскими властями в качестве зоны распространения русской крестьянской оседлости и организации стабильных земледельческих практик. Не менее важным стал и способ организации научного сообщества в регионе, собранного под эгидой Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ЗСОИРГО), учреждённого в 1877 г. и квартировавшего в Омске – городе, имевшем статус столицы Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

Членами общества, не только в процессе экспедиций, но и в ходе выполнения правительственных поручений в качестве чиновников различных ведомств были проведены обстоятельные исследования естественно-географических характеристик районов предстоящей аграрной колонизации, осуществлены активные попытки выявления хозяйственно-экономического статуса и колонизационного потенциала локальных сообществ Степного края: представителей коренного населения, казачества и переселенцев из Европейской России.

В результате в имперский историографический дискурс был включён «инородческий вопрос», получивший детальные оценки в работах широкого круга исследователей, вовлечённых в работу по научной экспертизе перспективного, с экономической точки зрения, пространства (Н.Н. Балакшин [5], Т.И. Седельников [6], Н.М. Ядринцев [7] и др.). В частности, была озвучена мысль о сомнительности верноподдан-

нических чувств кочевников, сформулирована идея о необходимости водворения в киргизских степях русского земледельческого населения, что способствовало бы развитию начал гражданственности среди кочевников, разработаны программы исследования коренного населения Западной Сибири, с оценкой возможности их перехода к оседлому состоянию и вариантов устройства переселенцев в границах инородческих общин.

К числу наиболее полемичных, в ряду обсуждаемых сотрудниками ЗСОИРГО, являлся вопрос о судьбе казачества в условиях курса на аграрную колонизацию Степного края. В работах, увидевших свет во второй половине XIX – начала XX в., в локусе внимания исследователей оказалась проблема культуртреггерского потенциала военно-служилого сословия, в обстоятельствах смены вектора колонизации и утверждения крестьянства в качестве главного субъекта аграрного освоения региона.

Накопление информации о населении и колонизационной ёмкости территорий Степного края способствовало тщательной его рефлексии и выработке двух диаметрально противоположных позиций в оценке роли имперского сегмента колонизации, ставших не только предметом публицистической риторики, но и историографическим сюжетом. Более того, «запуск» российского колониального дискурса, в центре которого располагались областнические идеи культурной автономии (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков и др.) и теории создания «большой русской нации» (М.Н. Катков, В.В. Григорьев, М.И. Венюков), пришёл именно на 1870-е гг. – период ускоренного имперского проникновения в Степной край. Очевидный конфликт мнений по вопросу цели и задач имперской политики в Степном крае уравнивался общей позицией противоборствующих сторон в признании сложной системы социокультурных отношений и взаимодействия локальных групп региона: «кинородцев», казачества и крестьянства. При этом идеи сибирского областничества, предполагавшие по западным лекалам постепенное освобождения колоний от контроля со стороны метрополий, учёт интересов сибирского общества, невмешательство в традиционные культуры, образ жизни и бытовой уклад коренных народов, оказались созвучны интересам формирующейся казахской интеллигенции.

Не случайно, что именно в этот период закладывается фундамент антиколониального направления в национальной историографии. Первым её глашатаем стал Ч.Ч. Валиханов, который ещё в середине XIX столетия, принимая участие в экспедиционной работе, собрал обширный этнографический материал о казахах Среднего жуза, землепользовании коренных жителей и их взаимоотношениях с ранними поселенцами Степного края – казачеством. В ближайшей перспективе проблема колонизации, в связи с имперским присутствием и процессом аграрного освоения степных областей, оказалась отражена в работах А.Н. Букейханова [8. С. 45–65], утверждавшего, что решение аграрного вопроса, в плане изъятия части земель у коренного населения, первоначально

осуществлялось предельно осторожно, однако с ростом переселенческого движения интересы кочевого хозяйства стали грубо попирались. Наконец, в начале XX в. антиколониальный спектр казахской национальной историографии был заполнен трудами Т. Шонанулы [9], Т.Р. Рыскулова [10], М. Шокая [11] и др.

Взаимопроникновение оценок роли имперского фактора в аграрной колонизации Степного края Западной Сибири становится общим местом историографической традиции в советский период, когда в силу идеологических обстоятельств произошёл синтез российских и казахстанских исследовательских практик. Общим знаменателем в новом формате историографии становится резко критический подход к дореволюционной истории колониальных народов и имперской политике самодержавия. В казахстанской историографии советского периода, в рамках существовавшей идеологической доктрины, в центре внимания исследователей оказался круг вопросов, связанный с широким спектром правительственных мероприятий, регулировавших процесс аграрных отношений в регионе, влияния аграрной и переселенческой политики на социально-экономические процессы жизнедеятельности казахского аула в Степном крае, генезиса капиталистических отношений и роли локальных сообществ в колониальной политике империи, факторов модернизации экономики края вследствие влияния железнодорожного строительства. К числу наиболее знаковых исследований в этих областях следует отнести работы С.Д. Асфендиярова [12], Б.С. Сулейменова [13], П.Г. Галузо [14] и др.

В то же время в национальном и интернациональном сегментах советской историографии наблюдались и продуктивные процессы: прирастала источниковая база материалов по истории казачества, рассматриваемого в качестве проводника имперской политики в степных областях Западной Сибири; актуализировался среднеазиатский аспект административных мероприятий царизма; в контексте аграрного освоения региона выстраивались коммуникативные каналы взаимодействия российских и казахстанских исследователей.

В рамках постсоветской историографической традиции происходит стремительное «расщепление» позиций в отношении имперской составляющей аграрной колонизации Степного края. На начальном этапе, в период «парада суверенитетов», проблемы колонизации степных областей Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. становятся важным и действующим элементом исторической политики Российской Федерации и Республики Казахстан. Более того, исторические аспекты колонизации превращаются в узловую проблемный блок российско-казахстанских отношений.

Характерно, что в научном отношении историографические школы двух суверенных держав в 1990-е гг. как бы попадают в разные «галактики», во всяком случае, разные системы координат, когда в условиях роста национального самосознания и региональных идентичностей взоры исследователей оказались направлены в максимально болевые точки национальных историй.

При этом в постсоветской историографической традиции резко снизился градус активности при обсуждении всего спектра колониационных проблем. Методологический кризис позитивизма в лице марксистских подходов не только приостановил научную работу в означенной области, но и продемонстрировал «тупиковость» действий традиционных исследовательских школ и направлений.

Важно отметить и то обстоятельство, что «смена вех» в общественной системе и науке происходит в различных «скоростных режимах», что вылилось в российских условиях в новый публицистический бум, происходивший на фоне крайне медленной методологической «перезагрузки» исторической науки. Возникший в обществе интерес к вопросам аграрного характера был по большей части развёрнут в сторону популистских политических сюжетов.

В национальной историографии Республики Казахстан происходили аналогичные процессы, единственным отличием которых стало то, что вопросы имперской колониальной политики России по-прежнему являлись своеобразной «болевым точкой» и, соответственно, местом наиболее оживлённой научной полемики. В частности, уже с начала 1990-х гг. наблюдается смещение акцентов в оценке российской колонизации в сторону доминирования негативного в исторической публицистике новых независимых республик, в том числе и Казахстана. На волне правительственных деклараций, воспринятых как руководство к действию, в Республике Казахстан складывается «официальное направление» в историографии имперской темы колонизации степных областей Зауралья. В основе данного направления была закреплена новая концепция национальной истории Казахстана, за авторством академика Национальной академии наук, профессора М.К. Козыбаева [15]. В центре внимания исследований представителей данного направления оказался традиционный вопрос о феномене и природе российской колонизации. Странники «официального направления» вполне естественно обратили свой взор к историографической традиции, сформировавшейся ещё в советский период, в эпицентре которой располагался тезис о добровольности вхождения народов Казахстана и Средней Азии в состав России, подвергнув его жёсткой критике. В результате в рамках официального направления возобладала тенденция к однозначному определению политики царизма в Казахстане в XIX–XX вв. как колониальной со всем спектром отрицательных последствий для его населения. Таким образом, произошёл возврат к концепции «абсолютного зла», с той лишь разницей, что имперская тема была хронологически пролонгирована, охватив и советский период.

Новый поворот в историографической традиции имперской составляющей колонизации обозначился с обращением российских историков к научно-исследовательским практикам «новой истории империи». В фокус внимания профессиональных историков было помещено имперское измерение российской истории, в связи с полиэтничным составом её населения, сложными системами взаимоотношений между центром и

окраинами, локальными сообществами и имперским центром, акторами имперской политики в лице центральной и региональной бюрократии. По констатации А.В. Ремнёва, «расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией и административным закреплением новых территорий и народов в империи – это ещё и сложный процесс превращения Сибири в Россию...» [16. С. 102]. Продуктивность данного исследовательского вектора определяется обращением к «инородческому», крестьянскому и казачьему дискурсам, что открывает дополнительные возможности в осмыслении имперских проектов и практик в обстоятельствах колонизации Степного края.

Смещение акцентов в исследовании опыта и практик Российского государства в степных районах Западной Сибири в сторону рефлексии «имперской ситуации», а также признания равнозначного включения в колониационный процесс как акторов власти, так и локальных сообществ региона, находящихся в активном взаимодействии, содействовало частичному перестроению исследовательских подходов в историографии Республики Казахстан. Имперская политика начиная с 2000-х гг. получила широкое толкование в диссертационных исследованиях Р.М. Таштемхановой [17], Р.Х. Сариевой [18], Г. Жумашевой [19], О.Х. Мухатовой [20] и др. Отмеченные авторы, размышляя об имперском «шлейфе» российской национальной политики, традиционно говорят о решающей роли социально-политических факторов, обеспечивших посредством аграрной экспансии отрицательное влияние культуры российских переселенцев на духовную жизнь казахов. Вместе с тем в рамках официального направления историографии Республики Казахстан прослеживается весьма существенная тенденция. Авторы, настаивая на принципе, сообразно с которым «переселенческая политика не способствовала прогрессивному развитию казахского общества и нанесла огромный ущерб развитию...» локальных групп автохтонного населения Степного края, тем не менее, признают, что русские поселения и казахский аул, в условиях сосуществования, перенимали взаимно методы хозяйства, причем хозяйственные контакты и культурно-бытовые связи носили не только негативный, но и позитивный характер. Тем самым происходит своеобразное разделение двух акторов колониационного процесса: властных структур и непосредственных субъектов переселенческого дела.

Странники «умеренных» позиций в казахстанской историографии, солидаризируясь с мнением российских коллег, настаивают на необходимости преодоления мифологизма и романтизма в характеристике имперского сегмента государственной политики в отношении колонизации Степного края. В частности, И.В. Ерофеева, в статье «События и люди казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической релитификации» отмечает, что неправильное и догматичное понимание истории колонизации империи с присущим ему псевдопатриотизмом может привести к негативным последствиям для исторической науки Казахстана: «Со-

здавая мифический образ всесильной, монолитной и бесконечно могущественной в разных сферах Российской империи, т.е. того своеобразного державного “исполина” XVIII–первой половины XIX в., которого К. Маркс образно называл “колоссом на глиняных ногах”, подобные псевдоисторики, независимо от своих благих патриотических побуждений, фактически питают имперские настроения простых обывателей внутри самой современной России и за ее пределами» [21. С. 17].

Критикуя сложившиеся в условиях новой государственности подходы к оценке имперского фактора в аграрной колонизации Степного края, Д.Я. Фризен видит причину исключительно негативных характеристик роли российского правительства в «отсутствии объективных методов и подходов в исследовании истории аграрных отношений в Казахстане XIX–XX века» [22. С. 181]. По мнению представителя умеренного направления, следует искать позитивные и негативные последствия аграрных преобразований царизма не только лишь в те годы, но и с глубоким научным анализом возможных последствий, проводимых преобразований с точки зрения развития производительных сил. Кроме того, исследователь предлагает отойти от

пресловутой практики видеть в большинстве аграрных реформ российских властей в основном только негатив, поскольку нельзя не учитывать того, что с момента аграрной колонизации в казахскую степь приезжали зачастую опытные специалисты, труженики, агрономы, ветеринары и т.д. [22. С. 181–182].

Резюмируя, отметим, что тема колонизации Степного края Западной Сибири, будучи интегрированной в общий контекст историографии инкорпорации Сибири в состав России, осваивалась в масштабах имперского ракурса видения проблемы. Периферийность региона, его мозаичный этнический состав, в условиях смены вектора колонизации с признанием доминирующей роли аграрного производства способствовали расширению спектра участников историографического дискурса, пополнявшегося представителями казахской национальной интеллигенции, а также большим числом практико-ориентированных исследователей с высоким образовательным цензом, задействованных в научной экспертизе колонизируемых земель. В силу перечисленных обстоятельств сибирская проблематика, в «степном» её варианте, во все эпохи «перебарывала» публицистичность, стабильно трансформируясь в историографическую традицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М. : Прогресс, 1993. Т. 1. 528 с.
2. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 668 с.
3. Ленский Б. Крестьянские переселения // Дело. 1881. № 12.
4. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. Ч. 2: Переселения, их причины и значение для народного хозяйства. 349 с.
5. Балакшин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб. : Тип. МВД, 1887. 56 с.
6. Седелников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб. : Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 79 с.
7. Ядрищев Н.М. Программа исследования инородцев Западной Сибири. Вып. 1880 г. 16 с. Отд. изд-е.
8. Букейханов А.Н. Исторические судьбы киргизского края и его культурные успехи. Алма-Ата : Казак энциклопедиясы, 1995. 260 с.
9. Шонанулы Т. Жер тагдыры – ел тагдыры. Алматы : Санат, 1995. 224 б.
10. Рыскулов Т.Р. Избранные труды. Алма-Ата : Казахстан, 1984. 260 с.
11. Шокай М. Тандамалы. Избранное. Алматы : Кайнар, 1999–2004. Т. 1–2. 341 б.
12. Асфендияров С.Д. История Казахстана (С древнейших времен). 2-е изд-е : учеб. пособие. Алма-Ата : Казак университеті, 1993. 304 с.
13. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX века (1867–1904 гг.). Алма-Ата : АН КазССР, 1963. 411 с.
14. Галузо П.Г. Аграрные отношения на Юге Казахстана в 1869–1914 гг. Алма-Ата : Наука, 1965. 345 с.
15. Козыбаев М.К. История России есть история страны, которая колонизируется // Столичное обозрение. 1998. 2 мая.
16. Ремнёв А.В. Ещё раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002.
17. Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1994. 28 с.
18. Сариева Р.Х. Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 33 с.
19. Жумашева Г. Колониальная политика царизма в Мангышлаке (XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 25 с.
20. Мұхатова О.Х. Қазақстандағы аграрлық өзгерістер тарихнамасы (XIX ғасырдың соңы – XX ғасыр) : тарих ғыл. докт. ... дис. авторефераты. Алматы, 1999. 50 с.
21. Ерофеева И.В. События и люди казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремификации // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007.
22. Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии Республики Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2012. № 9 (23). Ч. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 марта 2016 г.

COLONIZATION OF THE STEPPE REGIONS OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: HISTORIOGRAPHICAL TRADITION AND RESEARCH PRACTICES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 158–163.

DOI: 10.17223/15617793/406/25

Churkin Mikhail K. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Keywords: colonization; historiographical tradition; Empire; discourse; and research practices.

In this paper, the author attempts to disclose the factors and circumstances of formation, development and evolution of the historiographical tradition in the light of Imperial experience of the colonization of the steppe regions of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The choice of the chronological parameters of the study fully corresponds to the historical context formed the basic research practices of the Russian and Kazakh national historiography aimed at understanding the logic and results of the incorporation of the steppe regions of Western Siberia into the Governor-Generalship of the Steppes. It was during this period when the new challenges of colonization of peripheral areas of the Siberian region appeared, so the process of agrarian colonization, and scientific examination of territories in the sphere of geopolitical and economic interests of the Russian Empire were initiated. The characteristic feature of the historiographical tradition is supposed to be a regular extension of the range of actors included in the discussion of Imperial policy regarding areas of the Steppe, content of interaction patterns, and relationships of local communities in the studied area. Involving the officials, leaders of the Western Siberia branch of the Russian Geographical Society, representatives of resettlement agencies contributed to the “route” of the colonization theme of the steppe regions beyond journalistic polemics research work and gave the reasoning about the Imperial aspect of the development of the region, the character of research reflection. Participation of representatives of national intelligence in discussions of colonization of the Steppe outlined the broad perspectives and opportunities for scientific debates, thereby increasing the degree of representativeness of research practices. Thus, in spite of the strong influence of positivist (descriptive-narrative) schemes, there was a lot of flexibility, receptivity to new approaches and research practices in the study of substantive aspects of Imperial colonization of the Governor-Generalship of the Steppes. The appeal of Russian historians to the theoretical developments of the followers of “the new history of the Empire”, the recognition of the complexities of the colonizing process, taking into account the mosaic structure of populations and complex patterns of interrelations between the Central and regional authorities, imply combining structural formulas of communications of historiographical schools of Russia and Kazakhstan, which creates preconditions for taking the research problem to a fundamentally different level of quality.

REFERENCES

1. Milyukov, P.N. (1993) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury: v 3 t.* [Essays on the history of Russian culture: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress.
2. Slovtsov, P.A. (1995) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical review of Siberia]. Novosibirsk: Ven-Mer.
3. Lenskiy, B. (1881) *Krest'yanskije pereseleniya* [Peasant resettlement]. *Delo*. 12.
4. Kaufmann, A.A. (1905) *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. Pt. 2. St. Petersburg: Tip. t-va “Obshchestvennaya pol'za”.
5. Balakshin, N.N. (1887) *O kirgizakh i voobshche o podvlastnykh Rossii musul'manakh* [About Kyrgyz people and in general about Muslims subser-vient Russia]. St. Petersburg: Tipografiya MVD.
6. Sedel'nikov, T.I. (1907) *Bor'ba za zemlyu v kirgizskoy stepi (Kirgizskiy zemel'nyy vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva)* [The struggle for land in the Kyrgyz steppes (Kyrgyz land issue and the colonization policy of the government)]. St. Petersburg: Izd. S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova.
7. Yadrintsev, N.M. (1880) *Programma issledovaniya inorodtsev Zapadnoy Sibiri* [Exploration of foreigners of Western Siberia].
8. Bukeykhanov, A.N. (1995) *Istoricheskie sud'by kirgizskogo kraya i ego kul'turnye uspekhi* [The historical fate of the Kyrgyz land and its cultural achievements]. Alma-Ata: Kazak entsiklopediyasy.
9. Shonanuly, T. (1995) *Zher tagdyry – el tagdyry* [The fate of the land – the fate of the country]. Almaty: Sanat. (In Kyrgyz).
10. Ryskulov, T.R. (1984) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Alma-Ata: Kazakhstan.
11. Shokay, M. (1999–2004) *Tandamaly. Izbrannoe* [1999–2004]. Vols 1–2. Almaty: Kaynar.
12. Asfendiyarov, S.D. (1993) *Istoriya Kazakhstana (S drevneyshikh vremen)* [History of Kazakhstan (since ancient times)]. 2nd ed. Alma-Ata: Kazak universiteti.
13. Suleymenov, B.S. (1963) *Agrarnyy vopros v Kazakhstane posledney trety XIX – nachale XX veka (1867–1904 gg.)* [The Agrarian issue in Kazakhstan in the last third of the 19th – early 20th centuries (1867–1904)]. Alma-Ata: KazSSR AS.
14. Galuzo, P.G. (1965) *Agrarnye otnosheniya na Yuge Kazakhstana v 1869–1914 gg.* [Agrarian relations in South Kazakhstan in 1869–1914]. Alma-Ata: Nauka.
15. Kozybaev, M.K. (1998) *Istoriya Rossii est' istoriya strany, kotoraya kolonizuetsya* [The history of Russia is the history of a country that is colonized]. *Stolichnoe obozrenie*. 2 May.
16. Remnev, A.V. (2002) *Eshche raz o meste Sibiri v sostave Rossiyskoy imperii* [Once again on the place of Siberia in the Russian Empire]. In: *Sibir' na etape stanovleniya industrial'nogo obshchestva v Rossii (XIX – nachalo XX v.)* [Siberia at the stage of industrial society in Russia (19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk.
17. Tashtemkhanova, R.M. (1994) *Pereselencheskaya derevnya i ee vzaimosvyazi s kazakhskim aulom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Semirechenskoy oblasti)* [Resettlement village and its relationship with the Kazakh aul in the second half of the 19th – early 20th centuries (on materials of the Semirechensk area)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
18. Sarieva, R.Kh. (2002) *Kolonial'naya politika tsarizma v Kazakhstane: na primere Turgayskoy oblasti (1868–1914 gg.)* [The colonial policy of Tsarism in Kazakhstan: the case of Turgay region (1868–1914)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
19. Zhumasheva, G. (1998) *Kolonial'naya politika tsarizma v Mangyshlake (XIX – nachalo XX v.)* [The colonial policy of Tsarism in Mangyshlak (19th – early 20th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
20. Mykhatova, O.Kh. (1999) *Qazaqstandaǵı agrarlıq ózgerister tarixnaması (XIX ǵasırdań sońı – XX ǵasır)* [Kazakhstan's agricultural history of changes (19th century – the end of the twentieth century)]. Abstract of History Dr. Diss. Almaty. (In Kazakh).
21. Erofeeva, I.V. (2007) *Sobytiya i lyudi kazakhskikh stepey (epokha pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni) kak ob'ekt istoricheskoy remistifikatsii* [Events and people of the Kazakh steppes (the late Middle Ages and Modern Times) as an object of historical remystification]. In: Masanov, N.E. et al. *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana* [Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan]. Almaty: Dayk-Press.
22. Frizen, D.Ya. (2012) *Aktual'nye problemy issledovaniya agrarnykh otnosheniy v Zapadnom Kazakhstane XIX – nachala XX veka v istoriografii Respubliki Kazakhstan* [Topical problems of the study of agrarian relations in the Western Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries in the historiography of the Republic of Kazakhstan]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (23):1.

Received: 16 March 2016